

Лариса **НОВОСЕЛЬСКАЯ**
г. Краснодар

Бедный Заяц

Рассказ

Двадцать первого февраля тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, в два часа ночи, вагон, дёрнувшись, остановился, и в стенку заколотили какой-то железкой. Когда обледеневшую дверь отодрали от косяка и в теплушку ворвалась колючая метель, раздался рёв сергиенковской тещи:

— Закрой дверь, Женька! Дитё простудишь!

Не устававшая жучить зятя в благоустроенной квартире, здесь, на ледяном просторе, да ещё при зрителях, она почувствовала прилив вдохновения, — и только раздухарилась, как её перебил трубный глас из самого нутра снежного вихря:

— Выгружай-сь! Кто за два часа не управится, будет аж из Комсомольска хабари таскать!

Оглушённые двумя сиренами — тещи и станционного «архангела», полуодетые офицеры выскочили из вагона в ночь и ухнули прямо в сугробы. Чертыхаясь и отряхиваясь, как сенбернары, они тотчас заскочили обратно в душное, пропахшее пелёнками, портянками и несвежей колбасой тепло.

Зажученный тещей Сергиенко — старший по званию — в отчаянии оглядел раскинувшийся в вагоне бивак, однако скомандовал:

— Снять с платформы машины!

Офицеры, избегая пронзительных взглядов жён, снова нырнули в белую пелену. А когда и командирский узик, и общевоисковой «ГАЗ-51» с грохотом скатились с самодельной, выкопанной изпод сугроба эстакады, жёны уже сидели на готовых узлах и застёгивали последние пуговицы на детских шубейках.

— Прыгайте, Марья Тимофеевна, — распростёр руки навстречу грузной теще Сергиенко.

Та показала ему кулак и отвернулась, призвав к дверям дочку, которая передала мужу годовалую Олеську. С ней можно

было не церемониться: природная флегматичность, глубокая дрема и бабкин платок двойной вязки делали ее неуязвимой к кантованию. Да и до места было, как уверяли мужчины, рукой подать.

К этому спасительному месту и потащили бывшие пассажиры чемоданы и узлы с вещами, малолетних детей и грозную Марью Тимофеевну, которая по дороге не уставала проклинать зятя, устроившего ей на старости лет цыганскую жизнь.

Вначале её бас гудел на всю округу, потом стал прерываться и стихать, а когда она доплелась до кучки растерянных людей, кольцом окруживших костёр из старых шпал, жарко пылающих среди снежной пустыни, присмирела и умолкла.

— ...Да, Марью Тимофеевну — царство ей небесное! — мы боялись больше генерала. — Лида улыбнулась той самой улыбкой, от которой ему и в хмурой ледяной степи становилось солнечно. Только теперешние её зубы мерцали ровно, сидели тесно, как дорожные жемчужины, и аннулировали милое прозвище Заяц.

— А где сейчас Коля, с тобой? — Евгений покраснел, потому что почувствовал, что его тоже разглядывают, и ухватился за безопасную тему. Но Лида... Лидия Ивановна на уловку не поддавалась и глаз не отвела.

— А ты такой же... — то ли с одобрением, то ли с разочарованием произнесла она. — Всё на физиономии написано... Лошарик...

И тоже смутилась: прозвище было тайным и наверняка обидным.

— А помнишь тундру? — теперь уже она «дёрнула» разговор, как неопытный машинист — тяжёлый состав. — Мало того, что танки припёрли, на которых ни зимой, ни летом с места не сдвинешься, так ещё на ангары и казармы строителей кинули. Солдатики боеприпасы туда-сюда переключивали, чтоб служба мёдом не казалась. А с кем воевать? Где противник? Господи, вот же бред! И все безропотно подчинялись...

— Ну, тогда демократии не было...

— А сейчас есть? — вскинулась Лидия Ивановна. — Ты посмотри, что сволочи делают! И вот помяни моё слово, Сердюкова не посадят! Назло нам, кадровым военным, не посадят!

Евгений ещё глубже провалился в диван. И, хотя хозяйка налила по новой чашке чая и протянула ему на раззолоченной тарелке кусок торта, тихо запаниковал: «Ну, ещё бы год переписывались — и хорошо, и спокойно... Нет, сорвался с места как пацан! Пчёл бросил, явился в столицу: жених!»

Пока хозяйка с кем-то строго разговаривала по телефону, Евгений усиленно занимался аутогенной тренировкой: «Спокойствие, только спокойствие! Я не Лошарик, а в меру упитанный мужчина в самом расцвете лет!» Он вспомнил, как маленькая внучка, с кислой миной принимая в подарок книжку, заявила, что смотрела про Карлсона мультфильм. Тогда ему пришлось за неё чуть ли не извиняться перед своими сокровищами — разномасными, твёрденькими, с одуряющим запахом томами и томиками, которые он всю жизнь потихоньку прикупал, тайно вносил в дом и ставил вторыми рядами на стеллаж. И только теперь, когда похоронил тещу и жену, смог раскрыть «Историю» Карамзина и читать её медленно, возвращаясь к одним и тем же абзацам, смакуя тягучие, сладкие, как мёд, мгновения одиночества и абсолютной свободы.

...Мыслями он убежал так далеко, что уже без напряжения встретил Заяца, которая прискакала из глубин бездонной дачи и уселась прямо перед ним — опять рассматривать.

«Ну и пусть, — успокоил он себя. — Смотрины же, куда деваться?» И продолжил «светскую» беседу:

— А помнишь, как Серёга разыграл меня с караульными? Нет, откуда помнить, это было ещё до тебя, Серёга только старлея получил...

— Ну, расскажи, расскажи, — без энтузиазма согласилась Заяц.

— Были мы в наряде, я — дежурным по караулу, а он — по полку. Среди ночи Серёга вваливается ко мне и говорит:

— Ну, пойдём твоих бойцов проверим, небось, в кустах дрыхнут.

— Да ты что? — заерепенился я. — Быть не может!

Обошли все три поста, ни один часовой не откликнулся!

Серёга серьёзно так говорит:

— На твоём месте я бы застрелился...

— И я — лопух. — Евгений поймал себя на ненавистном слове, покраснел и закончил уже без энтузиазма: — Он, оказывается, заранее повязал всех моих часовых, засунул им кляпы и даже автоматы к телу прибинтовал! Здоров был как бык!

— Да уж, сила есть — ума не надо... — сухо попытожила Заяц. — А вот Коля не в него пошёл, да и не в меня... — она почему-то разочарованно вздохнула, хотя жизнь у неё, на взгляд Евгения, сложилась как нельзя лучше. — Не зря мне умные люди говорили: в Москве вам будет трудно. Вы же не Бенуа...

И в ответ на его вопросительный взгляд объяснила: — Ну, в смысле нет у нас нужной родословной. И тем не менее... — она стукнула ребром сухой ладошки по полированной столешнице, — Сергей до пенсии служил в министерстве, Коля мог бы сделать хорошую московскую партию, но... хоть и женился по любви, а всё равно доцент, кандидат, работает над докторской.

— Серёга, жаль, рано ушёл, — осмелился вставить Евгений. — Жить бы ещё и жить...

Он вспомнил их последний разговор по телефону. Дежурный: «Поздравляю!» — «Поздравляю!» Да и что их связывало, кроме воспоминаний да гражданского образования?

Евгений оканчивал Владивостокский политехнический, когда его вызвали в военкомат для беседы, потом потребовали написать рапорт, потом объявили: кто не пойдёт служить, тот не защитит диплом. Похожая история, только в другом конце страны, случилась с Серёгой. Так что насчёт кадровых

военных Заяц, конечно, загнула. Какая там династия! Заставили.

Заставили пойти в армию, заставили в партию вступить, заставили рапорт об отставке написать... И так виртуозно всё обтыпали, что он поломался для приличия, как девица, а потом расслабился и согласился. Как и Сергей... Хорошо хоть в Чехословакию не послали, там строить было нечего, только ломать.

— ...Семь тысяч танков! Триста тысяч солдат! — горячо шептал ему на ухо Серёга, по ночам слушавший «вражеские голоса» и не устававший просвещать друга.

Евгений и без него ощущал смутное беспокойство и стыд, но постоянно одёргивал себя: «Я что, умнее других? Разве может весь взвод идти не в ногу?»

С другой стороны, как тут не психанешь, когда на неделю учений в глухой тайге строишь благоустроенную гостиницу для генералов, да еще с особой увеличенной ванной для министра обороны, а детей в школу по козьей тропе — стиральной доске возишь!.. Серёга даже единицу измерения ухабов придумал — ЖУМ — жопоудар в минуту.

Э... да что теперь, едуци с ярмарки, вспоминать?.. Лучше о будущем подумать! Вот он смеялся над тещей, которая жалела, что не вышла замуж за министра химической промышленности, хоть он и ухаживал за ней в девятом классе. А сам на старости лет в женихи подался! Бросил пасеку, дочку с внучкой и рванул к Зайцу, хоть не видел её сорок лет! Со щенячьей надеждой, виляя хвостиком.

Вот, кстати, Заяц всегда была девушкой с характером. Правда, артисткой не стала, как мечтала. Да и где? В бухте Касатка, на речке Гнилушка? Или в деревне Бабстово? Заведовала гарнизонным клубом, под праздники ставила модный тогда «Кабачок «13 стульев». Зато мужа своего, который то и дело влипал в истории (тогда ещё дедовщины не было, но Серёга свободно мог заехать в ухо какому-нибудь сопляку), докатила, как шах-

тёр — гружёную вагонетку, до столицы, до генерала!

Говорят же, что для офицера главное — правильно выбрать жену. Евгений, например, и мякнуть не успел, не то что выбрать. Как прибыл по назначению в Хурбу — «хрен убежишь, раб Божий, аминь!» — да в самый злющий мороз, так и оттаял уже в объятиях сметчицы Вари, царство ей небесное. Тоже зубастая девка была, только зубы свои оттачивала не на окружающих — ну, там пойти к начальству за квартирой или звание очередное выбить — а на мужа, которого и без того мягкотелым считали.

Варвара была типичной женой-пилой. Основное чувство, которое испытывал к ней Евгений, когда прошёл угар медового месяца, был трепет. Где-то у классиков он читал: трепещу, дескать, батюшка, ничего не могу с собой поделывать... И не то чтобы он её боялся... Скорее, стеснялся того неловкого положения, в которое она могла поставить его в любой момент. Сейчас молодёжь даже слово для этого придумала — «кринж», кажется. Но слово очень подходит Евгению и Варваре.

На воскресном базаре, когда он был представлен к сумкам, она торпедой носилась между узких торговых рядов, останавливаясь как вкопанная ровно посередине прохода. В результате чего остальные покупатели — живая лента — резко тормозили, утыкаясь в её каменное, крепкое, как монумент «Родина-мать», тело. Ему, который всегда уходил в сторону, слышав за спиной шаги, было стыдно, хотя никто не предъявлял претензий, а может, и вообще ничего не замечал...

А сколько унижений он натерпелся, когда замполит распекал его за беспорядок в доме! Хотя эти тётки из быткомиссии тоже были хороши, гестаповки: среди бела дня вломились в квартиру, увидели замурзанную Олеську на горшке, грязные сковородки на плите и тут же настрочили рапорт. И командир зачитал его перед всем строем! У него тогда чуть уши не сгорели... Эх, казарма она и есть казарма!

Он утешался вычитанной где-то фразой: «Они нашу вежливость принимают за нашу слабость», адресуя её и сослуживцам, и жене, и тётке, которая появилась день в день с Олеськой, как будто её тоже привезли в кружевном конверте из роддома, только уже усатую и морщинистую.

— ...Ну, что задумался? — голос Зайца прозвучал так близко и звонко, что Евгений даже вздрогнул. — Давай-ка спать ложиться, дружок, уже поздно.

Евгений вздрогнул вторично.

— Да не нервничай ты! Ну, посмотри, каким был нежным, таким и остался! — рассмеялась Лидия Ивановна. — Я тебе на втором этаже комнату приготовила. Располагайся, отдыхай, а там посмотрим...

Вот эту фразу «Там посмотрим...» Евгений разжёвывал и так и эдак, пока ворочался, засыпая, в просторной мансарде, окна которой выходили в подмосковный лес. Стояло лето, но воздух после дождя пропитался терпкой свежестью из-за ёлки, одна колючая лапа которой даже нахально просунулась в окно. Поэтому ему приснился его лучший сон: он целовал Зайца в Хурбе после новогоднего представления в клубе, где она играла пани Монику, а он — пана Профессора.

Этот поцелуй ему уже снился, но в другом ракурсе. На этот раз Заяц грызла «старыми» зубами светящуюся в темноте сосульку, а потом бросила льдинку ему за шиворот, отчего он и проснулся.

В открытое окно заглядывало холодное белое солнце, а пушистая с вечера еловая лапа надупилась суровыми, почти чёрными иглками.

«Сегодня Заяц вроде гостей собирает, — укрывшись по самый нос одеялом, — вспоминал продрогший Евгений. — Каких гостей? Сказала, Коли не будет, у него командировка. С невесткой, видно, не ладит. Ну что ж, я дочке тоже никак не могу угодить... По судьбе, значит, так задумано: ушли Варвара

с тёшей, бог дал Олеську — мужика в юбке. Да в какой юбке? Она из штанов не вылезит. Когда зять от неё убежал, я даже не удивился и не осудил его... Я бы на его месте... Ну-ну, распушил перья, — одёрнул он сам себя. — Герой! В Москву вырвался! Старая любовь не ржавеет...»

Олеська, небось, до сих пор не поймёт, что это за стариковский взбрык... И это он ещё не передал ей слова Заяца: «Переезжай ко мне. Будем вместе старость коротать...» Если бы пересказал, Олеська денег точно не дала бы. А так ума хватило, соврал: к другу-генералу на юбилей. Хоть и попилила, типа, никакой пенсии не хватит по однополчанам ездить, но вот отпустила же!

А если и вправду всё сладится, как быть? Как девчонок в Москву перетаскивать? Но ведь надо? В станице Анапской, несмотря на курортное название, моря нет. И доходов от курортников тоже. Олеська с утра до вечера баранку крутит — юрисконсульт в захудалой фирме работает, всё судится да рядится, в краевой центр мотается, заработка — кот наплакал. Если б не его военная пенсия да три улика с пчёлами, сидели бы они с внучкой без айфонов. Вот это был бы позор! В их станице девчонке приличнее без трусов на улицу выйти, чем без айфона.

— ...Подъём! — раздался снизу звонкий голос. И едва он выскочил из постели, как в дверном проёме появилась миниатюрная фигурка. Заяц как будто вышла из его сна и показалась такой юной и свежей, что он в изумлении застыл перед ней, стоя в одной штанине. Нисколько не смущаясь, с прямодушием врача, она по-хозяйски осмотрела его впалую грудь с тремя волосками, тонкую, покрытую мурашками ногу... Евгений наконец-таки натянул брюки, но было поздно:

— В Москве пляжа нет, некуда тут плавки надевать, — отчеканила Лидия Ивановна.

А гость до ушей залился краской. Вот так он и знал, что попадётся! Семейные трусы

надеть постеснялся, а тут Олеська в начале лета купила себе купальник, а ему — красные плавки, он их и натянул для форсу — и попался. Вот позор какой, а?!

Но Заяц уже справилась с раздражением и улыбнулась:

— Ну, давай спускайся, восемь часов. Ты же в город хотел ехать.

— А ты со мной не поедешь? — деликатно поинтересовался он. Штабной шофёр вёз его вчера с вокзала на дачу таким затейливым маршрутом, что он и дорогу не запомнил.

— Я поеду, но позже, — как-то неопределенно помахала в воздухе телефоном Лидия Ивановна, и, как только трубка замурыкала уже знакомое «sex bomb, sex bomb бом», Евгений резво, чтобы не помешать разговору, скатился по лестнице на кухню.

«Артистка она всё-таки погорелого театра», — усмехался он про себя, стараясь не вслушиваться в громкий, почти рыдающий голос наверху.

Он осмелился налить себе чаю и едва вскарабкался на высокий табурет, как с лихорадочным румянцем на щеках и сверкающими то ли от злости, то ли от слёз глазами появилась Заяц и, наткнувшись на него, очень удивилась.

— А... да... Тебе в Москву надо... Пройдёшь лесом до электрички, там тропинка протоптанная, не заблудишься... — рассеянно проговорила она, глядя поверх его головы, потом взяла его за плечи так нежно, что он задохнулся от счастья, и... развернула вертящийся табурет к входной двери.

«А еще бы лучше — коленкой под зад! Так тебе и надо, жених в плавках! «Старая любовь не ржавеет...» Моя-то не ржавеет, а её? И с чего я решил, что это была любовь? Но если я ей не нужен, зачем было звать? Так торопилась от меня избавиться, что даже позавтракать не дала...» — мрачнее тучи шагал Евгений по дороге, усыпанной сосновыми иголками. Но постепенно нежаркое солнце и смолистый сухой воздух успокоили его. «Знали же, на каком месте столицу строить,

— уже весело скользил он по толстой хвойной подушке. — А Кубань что — сослали непокорных казаков в опасные края и сочинили легенду: «Эх, и земля черnozёмная! Палку в землю воткнёшь — тут же лес вырастет». Как же, разбежались! Без химии яблоки прямо на ветках гниют. Не говоря уже о помидорах-баклажанах. Не успеешь опрыскать — всё скукожится и усохнет! То белая бабочка, то еще какая дрянь... Земля тяжёлая, капризная! Летом — пекло адское, зимой — сырость промозглая. Вот же тёше захотелось: «Просись на юг, погрею старые кости». И нагрела себе рак, и Варвару следом утащила.

Евгений опять стал мрачнеть, но услышал гудок электрички и припустился бежать к станции.

...Вернулся он на дачу позже запланированного, — забыл, что Москва забирает кучу времени. А побывал-то всего-навсего в книжном магазине на Тверской и в Манеже, где купил внучке удивительную куклу в подарок. С запахом ванили, надо же! Всю обратную дорогу голову её завитую нюхал — пахнет как конфета!

— Ты что так долго? Забыл, что у нас гости? — Заяц встречала его у калитки, и окошко её телефона мерцало в темноте гигантским светлячком. Вот балаболка, даже гости ей не помеха... — Погоди, погоди, — удержала она Евгения, виновато шагнувшего к ярко освещённой двери, за которой виднелись силуэты людей и слышался приглушённый гомон. — Пойдём по боковой лестнице, на минутку в спальню поднимемся. — И она тихо, как кошка, стала подниматься вверх, увлекая его за собой. И опять он повёлся, дрогнул сердцем, чувствуя, какое электричество исходит от ладони, обхватившей его запястье...

В спальне на кровати был разложен целый джентльменский набор: голубенькая рубашка с короткими рукавами, серые брюки и новенькие спортивные тапки с белыми шнур-

ками, которые Евгений поначалу принял за детские.

— Это что, Серёгино? — почему-то шёпотом спросил он и сам же ответил: — Да нет, он же как бык был здоровый.

— Ты что? — оскорбилась Заяц. — Я его вещи сразу после похорон раздала. Это тебе купила, примеряя кедки, я взяла на глазок сороковой, может, не угадала. Одевайся, одевайся, мои подружки сплошь змеиные головки, так что будь красавчиком!

Евгений потянул за ремень штанов, подождал, однако Заяц не собиралась отворачиваться или уходить. Заметив красный уголок плавок, спохватилась: — Ах да, трусы... И кинула на кровать мягкую кучку белоснежного белья.

— Ну, дай я хоть душ приму, — окончательно сконфузился Евгений.

— Некогда! Потом, — отрезала хозяйка, но всё-таки отвернулась и отошла к окну, вглядываясь в погасший экран телефона. Через пару минут, занятая своими мыслями, опять окинула его невидящим взором, слава богу, он уже завязывал шнурки на тапках. — Поймай, еще один штрих, — вспомнила она, схватила с туалетного столика флакон и выстрелила ему в лоб пахучей струей.

Затем началась мучительная процедура: запомнить, как зовут подружек. Их было всего три, как сказала потом Заяц, но Евгению почудился целый выводок сестёр-близняшек: жемчужные зубы, пухлые красные губы, даже чёлки одинаково закрывали лбы до самых бровей и отливали чёрной синевой. Молодящиеся дамы — его станичные соседки — состояли сплошь из жёлто-розовых блондинок, и здесь, среди жгучих брюнеток с фарфоровыми кукольными лицами, он растерялся и только таращил глаза, отслеживая плавный полёт белых холёных рук.

Слава богу, что его появление только на одну минуту прервало оживлённый разговор про хирурга, который стажировался у врача Анджелины Джоли, а когда вернулся в Москву, зазнался так, что попасть к нему стало

невозможно... Пока он соображал, кто такая Анджелина Джоли, страсти кипели уже вокруг криотерапии, которую хорошо проводит Авоян, потому что все врачи-евреи давно уехали на родину.

Евгений устал как собака, запалился, всю дорогу в электричке мечтал о куске мяса, но на маленьком столике ничего, кроме вазочки конфет, не было и не ожидалось, потому что хозяйка увлечённо спорила о том, как должны кадровые военные реагировать на казнокрадство в министерстве. Разочарованный и голодный, Евгений уснул.

Разбудила его внезапная тишина и чей-то шепот: «От этих колхозников всегда козлами несёт».

Евгений вздрогнул, обвёл стол еще мутным взглядом, прислушался: похоже, шёпот ему почудился. Подружки дули в ту же дуду: ботокс — шмотокс, диета — котлета...

Какая котлета? Это у него на уме котлета, а ещё лучше — бифштекс. Когда же эти вороны угонятся и по гнёздам разлетятся? С голодухи рифмы сами лезли ему в голову... Вот тёща бы разошлась! Она его всегда за книжки гоняла. Как он задумается, она тут как тут: «Опять стишки сочиняешь? Пойди лучше окна закрой, во все щели дует».

Гости наконец разъехались — кто такси вызвал, за кем шофер прибыл, и, видя, что Заяц убирает вазочку, из которой так никто и не взял ни одной конфеты, Евгений вроде шуточно, а на самом деле всерьёз взмолился:

— Слушай, ну, мужика же кормить надо! Иначе какой он мужик?

Заяц молча подошла к холодильнику, широко распахнула дверцу:

— Что найдёшь — то твоё!

Евгений так проголодался, что решил не обижаться и немедленно вгрызся в кусок сыра, — первое, что обнаружил на полке.

А Заяца, кажется, замучила совесть. Она надела фартук, встала, как обычная женщина, к плите, нажарила яичницы с колбасой, разогрела готовые блины с мясом и, махнув рукой, села вместе с гостем за обе щеки упле-

тать и яичницу, и блины, только вот от крепкого чая отказалась — боялась бессонницы.

Сытый Евгений развеселился, расхрабрился и даже легким прикосновением напомнил о цели своего визита. Заяц поняла, засмеялась, сверкая жемчужными зубами, потом велела отправляться в ванную, но, когда он, лихо обмотав тощий торс пушистым полотенцем, с прилипшими ко лбу влажными и ещё вполне вьющимися волосами вернулся на кухню, она уже зло цедила в трубку обидные слова и сверкающими глазами указывала ему на лестницу.

Евгений поплёлся вверх, к суровой еловой лапе, сел на краешек кровати и вознамерился ждать, пока Заяц о нём вспомнит. Не зря же ему приснился поцелуй!

Потом он прилёг и незаметно задремал, и сквозь сон ему показалось, что его подружку-ёлку облил яркий свет автомобильных фар, иголки её заблестели, как будто покрытые инеем. Потом ему опять снился поцелуй (вот пацан, честное слово!) и как будто Марья Тимофеевна вдруг зарычала медвежьим басом: «Да пропади ты пропадом!», но это был уже не сон, а реальный голос внизу. Низкий мужской голос монотонно бубнил, и сквозь женские всхлипывания разобрать можно было только отдельные фразы: «я за тебя не цепляюсь», «ты мне покоя не даёшь», «устраивай свою жизнь, я не мешаю».

«Что за черт? — сел на кровати озадаченный Евгений. — Коля из командировки приехал? Но почему она плачет? На невестку обиделась?» Евгений быстро накинул рубашку, натянул брюки и, сгорая от неловкости, спустился на один лестничный пролёт. Но увидел только ноги в чёрных ботинках и кусок брюк защитного цвета. «Так Коля же не военный!» — удивился Евгений про себя, а вслух громко кашлянул: он, как честный человек, должен был обозначить своё присутствие, — и преодолел последние ступени.

— А... Вот и женишок пожаловал! — прищурившись, на него зло смотрел тот самый голубоглазый, щеголеватый и, как показа-

лось Евгению, капризный молодой шофёр, который, встретив его на вокзале, врубил в машине громкую музыку и не проронил за всю дорогу ни слова.

Не дожидаясь ответа, шофёр повернулся к согнувшейся на табуретке Лидии Ивановне:

— И чего тебе ещё надо? Моего благословения? Благословляю! — он по-шутовски перекрестил её и, решительно развернувшись, прошествовал в настежь раскрытую входную дверь.

Заяц вцепилась в табуретку так, что побелели костяшки пальцев, но, когда мягко зашелестел мотор, не выдержала, вскочила и опрометью бросилась на улицу.

Растерянный Евгений в недоумении стоял посреди кухни.

Когда оконные стёкла, вспыхнув отраженным светом, погасли и утихомирилась взвизгнувшая под колесами галька, он на деревянных ногах вышел из дома, подошёл к стоящей на пороге хозяйке, крепко взял её за плечи, развернул, как это делала она с ним ещё утром, и, крепко и властно прижимая к себе, повел в дом.

Наконец он всё понял. Бедный Заяц! Как же её угораздило! Оно, конечно, замечательно: любовь! Но что с ней делать, с такой любовью? На улицу не выведешь — засмеют. С родными не познакомишь — проклянут. Наедине с собой — от стыда сгоришь! Бедный, бедный Заяц!

Выходит, она его в спасители призвала? В конкуренты этому молодому? Как сказала бы Олесья, тендер устроила...

А какой из него соперник? Сказали же подружки: «Колхозник». Да она и сама не слепая, поняла, что гусь свинье не товарищ.

Что там говорят про школьную встречу выпускников: как все постарели, особенно девочки? А вот фиг вам! Девочки, особенно генеральши, не стареют! У девочек одни фарфоровые зубы целое состояние стоят, а вот мальчик уже пять лет денег не наскребёт золото изо рта убрать, особенно после того, как сосед в Италию съездил и чуть со стыда

не сгорел, так над ним там смеялись: «Русская мафия!»

Ни слова не говоря, Евгений накапал Заяцу корвалола, сам выпил полрюмочки за компанию, поднялся наверх, лёг и, на удивление, быстро уснул. Лучший сон ему не снился, а какой снился, он не запомнил, значит, спал крепко.

Утром в доме стояла оглушительная тишина, даже радио «Эхо Москвы», из которого Лидия Ивановна черпала новости, молчало. Хозяйка была похожа на куклу с запахом ванили: красивая, но неживая. Она налила гостю кофе, а тот, как по приказу, ринулся заполнять тишину пустой болтовнёй, пока наконец не вышел на тему своего затянувшегося визита и ответного приглашения в гости в станицу Анапскую, откуда до моря пешком не дойдёшь, но его верный друг — праворукий «Ниссан» — пробежит все сорок километров как боевой конь.

Когда Заяц вышла на крыльцо провожать, он по-братски обнял её, ощутив под рукой тонкие птичьи косточки: в юности — счастливый знак изящества и нежной хрупкости, в старости — грядущего остеопороза, — и сморозил глупость.

— Ты смотри, — шутливо погрозил он пальцем, — не позволяй себя крепко обнимать. А то дочка рассказывала про свою начальницу, которой любовник три ребра сломал в порыве страсти... — и, покраснев, сбежал с крыльца, успев заметить, как вспыхнул экран телефона, который Заяц, само собой, уже держала в руках...

«Бедный, бедный Заяц!» — с облегчением и всё возрастающим чувством свободы повторял он, скользя по усыпанной хвоей лесной дорожке и вдыхая вкусный воздух.

...В расслабленном, блаженном настроении он качался в вагоне, предвкушая, как вывезет пчёл в поле, к подсолнухам, разобьёт палатку на берегу речки, днём будет читать Карамзина, а вечером варить уху...

«Эх, чем не жизнь? Разве плохая жизнь? — думал он и, как все совестливые в минуты эйфории люди, тут же нашёл повод испортить себе настроение: — Вот чем мне Марья Тимофеевна не угодила, что я для неё слова доброго за всю жизнь не нашёл? — спрашивал он сам себя. — Ну и что, что громко кричала, что усы у неё росли? А кто меня выхаживал, когда попал под бетонную плиту? Всех врачей на ноги подняла, травы заваривала, примочки делала.

А жена? Как могла, так и хозяйничала, разве дело в грязной посуде? Зато какую гору котлет всегда жарила! Хоть десять штук съедай зараз! Олеська у нее научилась — деликатесов от неё не дождёшься, зато в холодильнике всегда борщ и котлеты...»

Евгений мечтательно прикрыл глаза. — «А всё-таки хорошо, что в Москву съездил, — решительно подвёл он итог. — А то бы так до самой смерти думал, что жизнь не удалась, и мечтал о старой любви...»

А Зайца всё-таки жалко. И главное, помочь ей нечем!

Бедный, бедный Заяц!..»

Лариса Ивановна НОВОСЕЛЬСКАЯ —

прозаик, автор двух книг. Публиковалась в журналах

«Знамя», «Балтика», «Кубань», в альманахе

«Лёд и пламень», «Литературной газете».

Лауреат премии «Золотое перо Кубани».

По профессии — журналист. Работала обозревателем

газеты «Советская Кубань», главным редактором

газет «Вечерний Краснодар», «Улица Красная».

Заслуженный журналист Кубани.

Член Союза российских писателей.

